

**ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В ЛЁВЕНЕ
1923 – 2013**

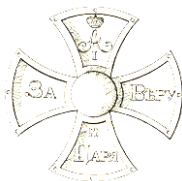
*Эта брошюра издана по благословению
Высокопреосвященного Симона, архиепископа
Брюссельского и Бельгийского, к 90-летию
зарождения в Лёвене православной общины
и к 10-летию создания в этом городе прихода
во имя апостола и евангелиста Матфея.*

+++

*Использованы фотографии из брюссельского
Архива Русской Эмиграции (с.12,23) и из личных
архивов А.М.Троепольского (с.8), А.А.Коновалова
(с.18,41), Л.В.Калустова (с.27), Е.В.Бекиш (с.32,33),
П.Е.Сморщёка (с.37), Ф. де Брёйена (с.45),
П.П.Иванова (с.45), А.Г.Клячкина (с.53).*

++++

*На обложке: иконы великомученика Георгия,
мученицы Татианы, преподобного Серафима
Саровского, апостола и евангелиста Матфея –
святых, которым в разные периоды был
посвящён лёвенский православный храм.*

Предисловие

На первый взгляд, рассказ о православном приходе в Лёвене, этом относительно небольшом бельгийском городе, вряд ли будет интересен кому-то, кроме местных жителей из числа эмигрантов и их потомков. Тем не менее, читатель найдёт в этой истории много того, что было общим для всех эмигрантских приходов в XX веке. Из частных же особенностей важно отметить, что Лёвен – город университетский, где учились сотни выходцев из России, многие из которых заняли видное положение в обществе и составили славу русской (и не только русской) эмиграции.

Достаточно сказать, что среди этих студентов были будущие архиепископ Иоанн (Шаховской) и священномученик Георгий (Перадзе). Кроме того, приход долгие годы был родным для двух архиепископов – Георгия (Тарасова) и Сергия (Коновалова). Поэтому история лёвенского прихода внесёт свой скромный вклад в дополнение биографических (и, может быть, агиографических) сведений об этих замечательных пастырях стада Христова. Владыка Команский Гавриил (до недавнего времени глава Архиепископии Православных Русских Церквей в Зап. Европе) несколько лет окормлял лёвенский приход в 1970-х, будучи ещё священником. А

архиепископ Брюссельский и Бельгийский Симон был одним из тех, кто возродил приход в 2003 г. Представляя читателю свой труд, я вполне сознаю его неполноту. Многие черты прошлого, увы, уже не восстановить из забвения. Из живых свидетелей истории *"иных уж нет, а те далече"*. Так, владыка Сергей (Коновалов) скончался всего за несколько лет до моего приезда в Бельгию и начала написания приходской истории. Поэтому её довоенная часть представляет собою скорее компиляцию из мемуаров, а послевоенная – в основном переработку устных рассказов. При этом далеко не всегда было возможно установить однозначную версию даже относительно недавних событий.

Виталий Койсин, июль 2013 г.

Автор глубоко признателен за помощь П.П.Иванову, В.К.Ронину, А.А. и А.С.Коноваловым, Л.В.Калустову, П.Б.Роснянскому, Е.Поповой-Вёскер, О.А.Касьяненко, П.Е. и А.Е.Сморщёк, А.Л.Гуревичу, А.Д.Охоцимскому, С.Н.Крикоряну, Е.В.Бекиш, Е.И.Древинскому, Ф. де Брёйену, П. Квагебюр, прот. Павлу Недосекину, иером. Антонию (Ламбрехтсу), свящ. Сергию Моделю, архим. Фоме (Якобсу), иеромонаху Прохору (Спасскому), протод. Александру Куряткину, протод. Павлу Хоммесу, диакону Виктору Юдину и прот. Иакову Дойлю.

Появление в Лёвене русской диаспоры

Революция и Гражданская война вызвали исход из России, по разным оценкам, от 1.5 до 2 млн. беженцев, из которых почти 9 тыс. осели в Бельгийском королевстве. Большую помощь им, часто не имевшим надлежащих документов и средств к существованию, оказали бельгийские благотворительные организации. Среди них был фонд "L'Aide Belge aux Russes" ("Бельгийская помощь русским"), основанный в 1921 г. **кардиналом Дезире-Жозефом Мерсье** (1851-1926), архиепископом Мехеленским и главой Католической Церкви в Бельгии.

Делами фонда заведовали два валлонских аббата – братья **Клеман** (1880-1938) и **Огюст** (1882-1939) **Дерсель**. Одной из главных забот было помощь молодым беженцам в получении образования. По ходатайству кардинала выделялась квота на места в бельгийских высших учебных заведениях. Кроме того, фонд выплачивал стипендии.

Одним из мест, куда для беженцев был открыт путь, стал Лёвенский католический университет (фр. Université Catholique de Louvain, нидерл. Katholieke Universiteit Leuven, UCL-KUL). Несколько человек из России учились здесь ещё до 1917 г., но послереволюционная эмиграция увеличила здешнюю русскую "колонию" многократно. Это и

создало условия для появления в недалёком будущем православного прихода...

Первые 8 студентов-беженцев были зачислены в К.У.Л. 12 декабря 1921 г., а уже в феврале 1922 г. фонд открыл для них общежитие на Rijschoolstraat 12. Позже в аббатстве св. Гертруды (Sint-Geertrui) открылось отдельное общежитие для девушек. К началу 1923 г. в Лёвене учились уже не менее 50 наших соотечественников.

Архиепископ Иоанн (Шаховской, 1902-89) вспоминал, как *"переехал в тихий, ещё лежавший от войны в развалинах Лувен... Я принадлежал к первой группе русского студенчества, поступившего в Лувенский университет осенью 1922 г. Мы были люди разного возраста, многие из нас прошли гражданскую войну как офицеры, а иные участвовали даже в I мировой войне. Но были в этой группе и 18-летние русские юноши. Мне было 20 лет. Заведовали "Бельгийской помощью русским студентам" два добродушных провинциальных аббата, брата Дерселль. Они аккуратно выдавали нам полагающееся пособие. Мы снимали комнаты в частных домах этого тихого города, и нас кормили в столовой общежития, где жила часть студентов"*.

Кардинал Мерсье проявлял непрестанное внимание к их нуждам, и в целом относился к

"белым" эмигрантам с большой симпатией. В ответ, в их среде о нём остались самые светлые воспоминания. *"Вы поняли и оценили русскую душу, — писали ему, — в то время, когда Россия не находила у народов Европы ничего, кроме равнодушия и забвения..."* А **митрополит Евлогий** (Георгиевский, 1868-1946) вспоминал: *"В Лувенском университете обучалось много наших студентов на стипендии... кард. Мерсье, истинного отца и благодетеля нашего юношества"*.

Во время визита кардинала в Лёвен в 1923 г. студенты-беженцы преподнесли ему хлеб-соль и приветственный адрес, украшенный православной иконкой. Они благодарили его за *"христианскую щедрость"*, позволившую им *"восстановить свои моральные силы, поколебленные столькими испытаниями, и продолжить обучение в высшей школе, прерванное печальными событиями... последних лет"*.

Архиепископ Иоанн добавляет: *"Сейчас это не в диковинку у католиков, но тогда это было ново: экуменизм кардинала Мерсье, его толерантность и широта взглядов братьев-католиков, организовавших в Бельгии помощь первому беженскому поколению русских людей. Помощь эта не стесняла ни в чем нашего православного сознания"*.

Кард. Мерсье и русские студенты в Лёвене 19 июня 1923 г.
По сторонам от кардинала сидят братья Дерсель.

Впрочем, воспоминания некоторых студентов в этом отношении не столь радужны, как у архиепископа Иоанна. Хотя самого кардинала Мерсье никогда не упрекали в желании обратить беженцев в католицизм, пользуясь их трудным положением, среди многих других католиков прозелитические мотивы были заметны. Кое-кто надеялся, что беженцы придут в восторг от западной культуры, перейдут в католичество, а после падения большевиков вернутся в Россию и составят там католическую общину.

Такие настроения имели место даже в окружении кардинала Мерсье: некоторые из руководства фонда "Бельгийская помощь русским" высшим достижением считали принятие кем-либо из беженцев католической веры. Почувствовав это, **протоиерей Пётр Извольский** (1863-1928), настоятель Св.-Никольского прихода в Брюсселе и благочинный русских приходов в Бельгии и Голландии, вежливо попросил кардинала ограничить рвение его подчинённых.

Впрочем, результат "идеологической атаки" был довольно неожиданным для самих католиков: по некоторым свидетельствам, у студентов "*вспыхнул интерес к родному православию*". Но обобщать тут не стоит – образованные слои русского общества были в целом далеки от Церкви, и даже

позже, в середине 1920-х, братья Дерселль писали, что их подопечные *"в большинстве своём весьма мало религиозны"*.

Первые богослужения

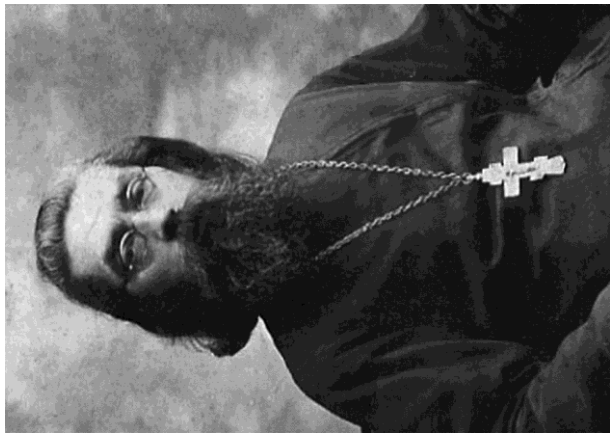
Точную дату создания в Лёвене православной общины установить трудно, поскольку архивы ответа на это не дают. По свидетельству современников, кардинал Мерсье, в ответ на просьбу отца Петра Извольского, дал согласие на совершение богослужений для студентов-беженцев и (видимо, устно) поручил кому-то из Фонда подобрать подходящее помещение.

Неформальным началом можно считать зиму 1922-23 гг., когда отец Пётр дважды посещал Лёвен и совершал в общезитии Литургию для студентов. Братья Дерселль после сразу жаловались в Мехелен, что он прибыл без предупреждения, и пытались через своих "осведомителей" разведать, о чём он беседовал по-русски со студентами. Впоследствии по просьбе студентов отец Пётр приезжал регулярно, дважды в месяц (не забывая потом поблагодарить за эту возможность кардинала Мерсье). К сожалению, подробных воспоминаний об этих самых первых православных Литургиях на лёвенской земле не осталось.

Скорее всего, и следующие несколько лет богослужения совершались в одной из комнат общежития, по-походному и редко.

Это видно из мемуаров владыки Иоанна: *"В Лувене устроилась позже (первая с дней основания университета в XV в.) православная церковь. Но в моё время первой половины 20-х годов мы ездили по праздникам в Брюссель, где жили наши семьи, и ходили в намоленную домовую, бывшую русскую посольскую церковь Св. Николая, Мирликийского Чудотворца, на rue des Chevaliers, 29"*.

Интересны и его воспоминания об отце Петре, который *"...был искренним благоговейным пастырем. Пришедший к священству на шестом десятке, он был ещё полон того светского воспитания, которое ничуть не обременяло его любви к Церкви... Отец Пётр был покаянный человек. Он чувствовал и свою ответственность за то, что свершилось в России. С сокрушением покаянным ("не ценили мы, не ценили, что имели...") он говорил мне о том, как он учился в Италии в университете г. Пизы и защищал там диссертацию о Франциске Ассизском. "И (восклицал он с горечью) я не знал тогда, что в это же время и недалеко от нашего имения в России жил Амвросий Оптинский"*.

Священник Владимир Фёдоров.

Священник Пётр Извольский.

А митр. Евлогий пишет: "О. Пётр Извольский, первый назначенный мною в Брюссель настоятель, был замечательным образцовым священником. В нём сочетались смирение и кротость, столь трогательные в бывшем важном сановнике (напр., он несколько лет был синодальным обер-прокурором – В.К.), со стойкостью, с умением стать авторитетом в глазах прихожан. К своему служению он относился с ревностью неопита, вложил в него все свои дарования. Прихожане его единодушно почитали, а для меня о. Пётр был утешением. Очень к нему был расположен знаменитый кардинал Мерсье... К сожалению, о. Пётр заболел неизлечимой болезнью (саркома) и долго угасал". Кроме отца Петра, в Лёвен приезжали священнослужители из других городов. Так, в 1926 г. здесь периодически служил **отец Владимир Фёдоров** (1873-1954), священник Свято-Пантелеимоновского храма при эмигрантском детском приюте в Брюсселе. Это был "...человек удивительного смирения и самоотвержения. Из любви к детям разделял с ними всю нерадостную их судьбу, вместе с ними голодал, терпел нужду, и никогда у него не было мысли покинуть приют и попросить себе более обеспеченного положения".

В январе того же 1926 г. скончался кардинал Мерсье, *"отец русских студентов"*. А летом вместо братьев Дерселль руководить фондом "Бельгийская помощь русским" был назначен **иезуит Робер Журден** (1897-1952). Он знал русский язык, был опытным управленцем и смог поправить финансовое положение фонда, которое к тому времени по разным причинам было несколько расстроено. Вспоминают, что *"трогательна была его всяческая забота о русских"*. В те годы и позже студентами-беженцами занимался также и **каноник Шарль Ноблесс** (1875-1959).

Православный кружок

В 1927 г. группа студентов-эмигрантов создала в Лёвене православный кружок во имя св. мученицы Татьяны. В кружке читались лекции по истории Церкви, изучалось богослужение, церковное хоровое пение, ставились спектакли на русском языке. Целью было приобщить к традициям тех, кто покинул Родину ещё детьми. По устным преданиям, в недрах этого кружка и созрела мысль о необходимости регулярных православных богослужений в Лёвене.

Скорее всего, создание кружка говорит о том, что юридически приход ещё не был оформлен. На то,

что кружок предшествовал его официальному созданию, указывают отдельные источники. Но может быть и так, что они существовали параллельно, то есть кружок был создан для внебогослужебной деятельности по типу братств при некоторых современных приходах.

В пользу последней версии говорят мемуары митрополита Евлогия: *"В те годы ещё веял в Бельгии дух великого кардинала Мерсье... Ещё при о. П. Извольском (т.е. до 1928 г., когда он из-за тяжёлой болезни вышел за штат и переехал во Францию – В.К.) открыта была приписанная к Брюсселю община в Лувене, организовавшаяся в общезитии русских студентов... Я несколько раз с большой радостью служил в этой церкви, где студенты завели хороший церковный хор, церковное хозяйство, сами были старостами... Обслуживали эту церковь помощники Брюссельского настоятеля – сначала священник Г. Цебриков, а потом о. Г. Тарасов".*

Если учесть, что ещё в 1923 г. митрополит Евлогий поручил отцу Петру объехать бельгийские города, активизировать церковную жизнь русских беженцев, а новые общины принимать как приписные к Св.-Никольскому храму в Брюсселе, то такой приписной статус лёвенской общины вполне мог возникнуть и ранее 1927 г.

Открытие прихода

С уверенностью о православном приходе в Лёвене можно говорить лишь с 1928 г., когда эмигранты обустроили церковь в бывшем монастыре кармелиток на той же Rijschoolstraat, где было русское студенческое общежитие. Интересно, что он был посвящён сразу двум святым – великомуч. Георгию Победоносцу (покровителю русской армии) и муч. Татьяне (покровительнице русских студентов), поскольку община состояла как из офицеров и кадет, так и из "штатских".

По рассказам, этот храм был на 2-м этаже правого (примыкающего к городской библиотеке) крыла здания на Rijschoolstraat 8, сохранившегося донныне. Скорее всего, отцу Петру ни разу не довелось служить в этом самом первом постоянном православном храме Лёвена, так как он скончался в декабре 1928 г.

С начала 1929 г. его преемником стал **архиепископ Александр** (Немоловский, 1876-1960). Несмотря на раздоры, начавшиеся в те годы среди русской эмиграции, он пользовался общим уважением за любвеобильное сердце, за участие ко всем скорбящим. То был воистину *"пастырь добрый, полагавший душу свою за овцы своя"*. Владыка не раз бывал в Лёвене, что запечатлено на нескольких фото, где он окружён студентами.

5 февраля 1929 г. в Брюсселе, специально для лёвенского прихода, митрополит Евлогий рукоположил в сан священника **Георгия Цебрикова** (1900-66), до этого диакона Свято-Никольского храма и активиста Русского студенческого христианского движения. Судя по старой фотографии (см. на след. странице), как диакон он иногда служил в Лёвене и раньше.

Казалось бы, назначение хотя и в бедный, но довольно большой и близкий к столице приход, служение в среде студенчества должно было воодушевить деятельного молодого священника (по словам митрополита Евлогия, *"даровитого, образованного, но крайне самолюбивого"*). Однако происходит некий духовный кризис... и меньше чем через год отец Георгий переходит в католичество! Позже он объяснял это *"отчасти увлечением взглядом В.С.Соловьева по вопросу о соединении Церквей"*.

Кружок муч. Татьяны существовал параллельно с приходом ещё несколько лет. В 1929-30 уч. году его председателем был студент последнего курса **Григорий Киреев** (1902-70). В январе он от имени кружка послал в Париж телеграмму, в которой передавал поздравления с Татьяниным днём и *"сыновний привет любимому владыке"* – митрополиту Евлогию.

О. Владимир Фёдоров, митр. Евлогий (Георгиевский) и
диакон Георгий Цебриков. Лёвен. Конец 1920-х.

В Константинопольский Патриархат

До начала 1930-х лёвенская община была в составе Московского Патриархата, находившегося в те годы под сильным давлением Советского правительства. Довольно долго митрополиту Евлогию удавалось находить компромисс между антибольшевистскими настроениями своей эмигрантской паствы и приходившими из Москвы

требованиями политической лояльности. Но в 1930 г. он принял участие в молитве о "страждущей Русской Церкви", и этот прямой намёк на антирелигиозные репрессии вызвал чрезвычайное раздражение руководства СССР.

В результате 10 июня 1930 г. Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) был вынужден отстранить митрополита Евлогия от управления русскими церквями в Зап. Европе. Однако тот не признал этого решения. Пользуясь поддержкой огромного большинства священнослужителей и мирян, он подал апелляцию Константинопольскому Патриарху, 17 февраля 1931 г. был принят в его юрисдикцию и назначен управляющим Экзархатом русских церквей в Зап. Европе.

Митрополит Евлогий так оценивал этот вынужденный шаг: *"Я и моя паства не оторвались от Вселенской Церкви, сохранили с ней каноническую связь при соблюдении внутренней русской автономии"*. А в послании к пастве он говорил, что *"это лишь временный перерыв офиц. административных сношений, вызванный известными обстоятельствами"*.

Этому решению последовал и владыка Александр (Немоловский), а вслед за ним и все его бельгийские приходы, в том числе и лёвенский.

Жизнь беженцев в 1930-х

В начале и середине 1930-х в Лёвене было ещё много студентов-эмигрантов. 1929/30 уч. год в этом отношении был пиковым за всю историю университета: 149 "русских студентов". Из них 87 были стипендиатами фонда "Славянский университетский очаг" (Foyer Universitaire Slave) – так в 1932 г. или немного ранее был переименован фонд "Бельгийская помощь русским". Большинство жили в общежитии фонда, перенесённом в 1928-30 гг. в более просторный дом на Mechelsestraat 155. Действовали студенческий хор и оркестр, "Русское общество спортсменов", футбольная команда, рота "Русской стрелковой дружины в Бельгии", русский ресторан "Доминик", отдел Национального союза русских студентов, ежегодно в начале февраля устраивавший благотворительный "Татьянин концерт-бал".

Некоторые религиозные течения сохранялись в общежитии и в этот период. С 1931 г. вместе с православными там поселились униаты из восточных областей тогдашней Польши, и была открыта униатская часовня. К тому же руководители фонда продолжали рассматривать его как "центр католического миссионерства среди русских" и в письмах к архиепископу

Мехеленскому с удовлетворением отмечали всё более частые обращения в "истинную веру".

Так, в 1935 г. 10 русских студентов-католиков, большинство из Лёвена, создали "Католическую ассоциацию русской молодёжи", имевшую целью распространение католицизма среди эмигрантов. Среди них была и **Ирина Поснова** (1914-97), учившаяся в Лёвене на факультете классической филологии. Позже она основала известное издательство "Жизнь с Богом".

Приходская жизнь в 1930-х

В 1930 г. на приход был назначен **священник Георгий Тарасов** (1893–1981), который служил в нём более 20 лет (с 6 февраля 1935 г. как настоятель). По словам митрополита Евлогия (Георгиевского), это был *"...прекрасный, кроткий, высоконравственный пастырь; он имел такую же прекрасную жену-христианку, которая всецело отдала себя служению Христу и Церкви"*.

В этой цитате имеется в виду **Елена Фрешкоп**, скончавшаяся в 1931 г. О. Георгий, через два года после этого тяжёлого удара принявший монашеский постриг, до конца жизни хранил память о любимой матушке.

Хорошее впечатление на отца Георгия произвели любовь лёвенских студентов к своему маленькому

храму, их просьбы проводить богослужения чаще. *"Правда, – отмечал он, – в одном чувствуется пробел – это недостаточное знание православия"*. Но, по его словам, у них было *"желание вспомнить забытое, найти верное утешение в трудной жизни и, наконец, узнать то, чем раньше не интересовались и что только теперь начало открываться и привлекать"*.

Большинство прихожан были русскими из Лёвена и окрестностей, но со временем и некоторые бельгийцы стали принимать православие. Кроме русских и украинцев храм посещали также и греки, учившиеся в университете.

В жизни прихода активно участвовали и некоторые выпускники университета, оставшиеся в Лёвене, в том числе **Михаил Дёмин** (1904-68), ассистент Института физики, **Иван Прокопов** (род. 1902), ассистент Института почвоведения, и **Алексей Коновалов** (1908-62), ассистент кафедры химии. Первый из них в 1936-39 гг. был членом Приходского совета. **Евгений Неверов** (1876-1964) в памяти старой эмиграции остался "профессором филологии", но в письменных источниках называется "titularis" ("занимающий должность, не имея звания") – поскольку до 1968 г. профессорами K.U.Leuven официально могли быть только католики.

О. Георгий Тарасов, архиеп. Александр (Немоловский) и митр. Евлогий (Георгиевский) в Лёвене. 1930-1932 гг.

О. Георгий и владыка Александр в Лёвене. 1930-е гг.

Ещё до назначения отца Георгия приход был вынужден, из-за реконструкции Rijschoolstraat, искать новое помещение и переехал в бывшие казармы (Sint Maartenskazernen) Конной артиллерии на Sint Maartensstraat, которые распродавались в частные руки.

Казармы-конюшни, до наших дней не сохранившиеся, располагались кругом, образуя открытый манеж, и вход в помещения был с внутренней стороны этого круга. Поэтому на фотографиях на дальнем плане видны крыши жилых домов, стоявших вокруг казарм. Точное расположение храма пока неизвестно. Современное название района – Sint Maartensdal. Там, у лёвенских "небоскрёбов", стоит монумент с гаубицей – памятник Конной артиллерии.

В журнале "Часовой" за 1935 г. можно прочесть: *"Православная церковь, устроенная усердием русских студентов Лувенского университета и небольшим числом русских эмигрантов, проживающих постоянно в этом городе, находится в частном доме во дворе по Манежной улице. Внутренность храма представляет <собой> скромное помещение, немного напоминающее походные полковые церкви. На панихиде 26 января (на 5-летие похищения генерала А.П.Кутепова агентами ГПУ – В.К.), бывшей вечером, собрались все*

студенты Национального союза и много русских, проживающих в Лувене. Отец Георгий Тарасов – скромный студенческий батюшка, приехавший из Брюсселя, всегда добрый и приветливый, незаметно увёл сердца всех молящихся усердным молением о Государе Императоре Николае II, воине Александре и о вождах и воинах Добровольческой Армии, за спасение Родины погибших. Во время церковной службы прислуживали студенты, и нельзя было не обратить внимания на ту серьёзность и аккуратность, с какими они исполняли принятые на себя обязанности".

Обстановка храма была скромной. Видимо, в те годы был изготовлен иконостас, который прослужил до начала 1970-х. Он был одноярусный, с большими иконами Спасителя, Божией Матери, великомученика Георгия и мученицы Татианы. На Царских вратах были изображены евангелисты, а над вратами – Тайная вечеря. Иконы были написаны в популярном тогда "васнецовском" стиле. По рассказам, этот иконостас (возможно, только "стену", без икон) создал **Иван Пономаренко**, в те годы студент Лёвенского университета, а позже директор угольной шахты Zwartberg.

Так как с 1930 г. отец Георгий был одновременно настоятелем и в Генте, то богослужения в Лёвене

совершались не каждую неделю, а попеременно. По большим праздникам многие лёвенские прихожане ехали в "русские" храмы Брюсселя.

С середины 1930-х, по причине мирового экономического кризиса (в Бельгии безработица доходила до 40%!) и оскудения стипендиального фонда, студентов из России в Лёвене становилось всё меньше и меньше (в 1935/36 уч. году – только 76). Меньшим по численности было новое и поколение эмигрантской молодёжи. В документах об их тогдашней жизни часто встречаются слова "скромный" и "скудный".

Так, рассуждая о том, какую религиозную литературу можно послать прихожанам в Лёвен, отец Георгий (Тарасов) подчёркивал, что она должна быть доступна им *"и по содержанию, и по цене"*. А в 1935 г. местный отдел Национального союза русских студентов даже обратился в Париж к митр. Евлогию *"с покорнейшей просьбой помочь... однодневным сбором в Русских Православных Церквях Парижа"*.

Указ короля Леопольда III 5 июня 1937 г. придал епархии официальный статус "Архиепископии Русской Православной Церкви в Бельгии". В её состав вошёл и лёвенский приход. Вскоре в 1938 г. он снова поменял адрес и переехал на соседнюю Vital Decosterstraat, на чердак дома №104.

О. Георгий (Тарасов) в гостях у Коноваловых на Dekenstraat. Стоят: Алексей Коновалов, Каролина ван Ставерен (его жена), Юрий Войцеховский, Евлалия Богарт, Владимир Остапенко (её муж)... Конец 1930-х.

В годы II мировой войны

После кризисных 1930-х ещё более тяжким испытанием для прихода стала оккупация Бельгии в мае 1940 г.; по сути дела, приход временно перестал существовать. Отец Робер Журден стал капелланом парашютного батальона, попал в немецкий плен и в Лёвен больше не вернулся. А в 1944 г., когда город пострадал от американских бомб, они разрушили и "русское" общежитие.

Годы оккупации были трагическими для всей епархии. Был арестован гестапо и увезён в Германию владыка Александр (Немоловский), уменьшилось и число священников. Поэтому отец Георгий (Тарасов) был вынужден обслуживать сразу четыре храма: свои два в Лёвене и Генте, а также два в Брюсселе – Свято-Пантелеимоновский на ул. Турелль и кафедральный Свято-Никольский на ул. Шевалье. Иногда в одном из них он служил обедницу, а после этого сразу ехал в другой, где служил литургию. В силу такой занятости в Лёвене отец Георгий мог приезжать очень редко, хотя несколько раз за время войны ему это удалось. Однажды он даже попал тут на вокзале под бомбардировку.

Вскоре после начала немецкой оккупации временно изменилась и подчинённость общины, так как германские власти требовали перехода всех "евлогийских" приходов под контроль Русской Православной Церкви Заграницей – единственной православной юрисдикции, признаваемой германским Министерством по церковным делам. При этом приходы формально сохранили свою каноническую принадлежность митрополиту Евлогию (Георгиевскому), хотя РПЦЗ получила широкие административные права надзора за их деятельностью.

Послевоенная жизнь прихода

Первые послевоенные годы были омрачены новыми юрисдикционными нестроениями. Митрополит Евлогий к тому времени примирился с Московским патриархатом. Освобождённый в апреле 1945 г. советскими войсками архиепископ Александр также обратился к патриарху Московскому и всея Руси Алексию I с просьбой принять его в общение с Русской Церковью. Прошение было удовлетворено, но почти всё бельгийское духовенство и миряне не приняли этого шага: недоверие к "красным" было ещё слишком велико. А после кончины в 1946 г. митрополита Евлогия эти протестные настроения повернули дело вспять, и большинство приходов Экзархата, в том числе и лёвенский, остались в лоне Константинопольской Церкви.

Тем не менее, после окончания войны приход начинает возрождаться. Прежнее здание на Vital Decosterstraat 104 в войну не пострадало, и храм оставался в нём ещё долго. Приход фактически стал приписным к брюссельскому Свято-Пантелеимоновскому храму, где теперь в основном служил отец Георгий (Тарасов). Будучи уже в сане архимандрита, 21 февраля 1950 г. он так докладывал Епархиальному управлению в

Париж: *"Два воскресенья в месяц мною уделяются для служб в Лувене и Антверпене"*.

Кроме новых студентов, о которых будет сказано далее, приход составляли также семьи немногих лёвенских "старых" эмигрантов. Это были Алексей Васильевич Коновалов, Владимир Михайлович Остапенко, Наталия Стефановна Карцева, Елена Макарьевна Пилина и другие.

Русские студенты "второй волны"

В конце 1940-х и в 1950-х в Лёвене снова было немало студентов из России, поскольку "Союз русских, окончивших высшие учебные заведения в Бельгии" (основанный ещё в 1926 г.) учредил в 1948 г. стипендии для новой, второй волны эмигрантов из Советского Союза. В основном это была молодёжь, угнанная немцами на принудительные работы. После поражения III Рейха многие из этих "остовцев" по разным причинам не вернулись на Родину. Около 15 тыс. из них сменили лагерь "перемещённых лиц" ("displaced persons", DP) в Германии на работу в Бельгии, чаще всего на угольных шахтах.

Помощь бывших студентов из первой волны эмиграции, уже ставших устроенными в обществе специалистами, сыграла большую роль в судьбе

новых беженцев, и через 2-3 года уже около 40 из них учились в Лёвене. Кроме "Союза", послевоенные стипендии выделял Фонд кардинала Мерсье, "Толстовский фонд", а также напрямую Лёвенский университет.

Как рассказывает **Елена Бекиш**, которая училась в Лёвене в 1947-52 гг., первые русские студенты "второй волны" приступили к занятиям в 1947 г. Их было всего пятеро: сама Елена Владимировна, Сергей Нерсесович Крикорьян, Евгений Андреевич Жерлицин и ещё двое, о которых говорили, что они бывшие советские офицеры, но никто не решался их об этом спросить. Большинство же русских студентов поступило в университет в 1949 г., когда закончились их контракты на шахтах.

Главой "Союза" тогда был **Александр Богдасаров**, выпускник университета довоенных лет. Он приходил на празднование Татьянина дня, которое студенты устраивали в скромном кафе на Vandenkinderestraat. **Сергей Ефременко**, тоже студент предвоенных времён, занимался делами Фонда Мерсье, был профессором и работал, кажется, ещё и в администрации университета.

Многие русские студенты жили в "польском" общежитии на Minderbroedersstraat, рядом с Большим бегинажем. Кроме поляков и русских, там жили и юноши из других славянских стран.

Сергей Крикорьян, Елена Крикорьян, Сергей Ефременко, Симеон Бекиш, Александр Богдасаров. Начало 1950-х.

Заведовал этим домом **священник-иезуит Корнелий Корнелиссен** – *"замечательный, светлый человек, очень добрый и умный"*. Он толерантно относился к православным, что в те времена, до II Ватиканского собора, было ещё необычно. Показателен такой случай. Как-то раз Ольга Киприянович и Вера Кутепова устроили в общежитии празднование Пасхи (причём в том году она не совпадала с католической), в чём отец Корнелий принял самое деятельное участие.

О. Корнелий Корнелиссен, Вера Кутепова, архимандрит Георгий (Тарасов), диакон Пётр Черкасов. Начало 1950-х.

Вдруг кто-то пришёл, спросил его по делу, а он ответил: *"Извините, я занят: у НАС Пасха"*.

Одним из мест встреч иностранных студентов, в том числе русских, была столовая на Hooverplein. Во-первых, там устраивались тематические вечера, на которых выступали студенты из разных стран и рассказывали, например, об их истории и культуре. Во-вторых, цены в этой столовой были даже ниже, чем в университетской "Альме", что небогатые студенты тоже ценили.

В середине 50-х ещё праздновался Татьянин день. На 2-м этаже Bondgenotenlaan 20 собиралось 50-

60 человек, в том числе бывшие студенты, устраивали совместный ужин, танцы, пели песни. Отношения между двумя волнам эмиграции в целом не складывались: большинство старых лёвенских эмигрантов подозрительно относились к DP: "То ли советские шпионы, то ли прохвосты". Это было, конечно же, несправедливо. На самом деле большинство студентов "второй волны" были людьми искренними, надеявшимися на возвращение на освобождённую от коммунистов Родину. Многие состояли в Народно-Трудовом Союзе, авторитетном в те годы в среде эмиграции и активном политическом движении. Как и в случае с первой волной эмиграции, примерно через 10 лет число студентов-беженцев уменьшилось. Из окончивших многие уезжали в США и Канаду (кто из боязни усиления в Бельгии социалистов, кто за "американской мечтой"), так что к началу 1960-х русская "колония" Лёвена снова сократилась до нескольких десятков человек.

Община белорусских студентов

Нельзя не упомянуть и группу студентов-беженцев из Белоруссии, учившихся в Лёвенском университете в 1949-63 г. Их было более 40 человек, из которых 34 успешно защитили

дипломы. О них заботился, в том числе и финансово, "Комитет помощи белорусским студентам". Его секретарём был **отец Роберт ван Кауэларт де Вилс** (1906-86) – священник "восточного обряда" из бенедиктинского монастыря в Шеветони. Он много помогал молодым беженцам и остался в их памяти как человек *"высокообразованный, энергичный по натуре, скромный, деликатный, простой, с великим сердцем, великой душой и бескрайней отдачей себя в служение ближним"*.

Вначале студенты-белорусы жили в Учебном центре для монахов византийского обряда на Herbert Hooverplein 8 (отец Роберт был руководителем этого Центра). Но это здание было слишком мало, и в 1951 г. общежитие переехало в дом № 19 на той же площади. В следующем году состоялось торжественное официальное открытие этого Белорусского студенческого дома. В нём обитали холостые студенты, а девушки жили в университетском женском общежитии "Sedes Sapientiae" или снимали частные комнаты.

Многие из этих студентов были сторонниками так называемой "Белорусской народной республики" (независимой Беларуси, свободной от власти компартии и "русского империализма") и вели активную политическую и культурную деятельность.

Почти сразу они учредили "Объединение белорусских студентов", организовывали лекции по истории родного края. Планировалось, хотя и не удалось, открытие в Лёвене белорусской гимназии. Дело доходило даже до засылки в СССР диверсантов (с участием разведок стран НАТО).

Пожалуй, главным белорусским культурным проектом стал переезд в Лёвен в 1950 г. композитора Миколы Равенского. С его помощью образовался прекрасный хор, выступавший с белорусскими народными и церковными песнопениями и имевший большой успех не только в Бельгии, но и на гастролях в Лондоне и Париже. И хотя в 1953 г. Равенский скончался, хор просуществовал ещё довольно долго.

Этот период был единственным в истории Лёвена, когда в нём было сразу два православных прихода. Причиной была уже упомянутая политизация лёвенских белорусов. Именно из-за этого их религиозная жизнь проходила отдельно от русского прихода. Богослужения для них совершал **отец Евгений Сморгонь** (1914-84), священник Белорусской Православной Церкви. В 1950-1957 гг. он учился в Лёвенском университете на педагогическом факультете, а затем в аспирантуре. Отец Евгений запомнился прихожанам как добрый человек, который *"всегда имел для каждого доброе слово"*.

Лёвенский белорусский хор п/у М. Равенского (третий справа) на гастролях в Париже. 7 декабря 1952 г.

Богослужения проходили в залах общежития. В мемуарах 1951-52 гг. встречается упоминание и о белорусской часовне в Centre Social на Bondgenotenlaan 69. На богослужениях пел всё тот же хор Равенского. Названия приход не имел, т.к. был, так сказать, просто "литургической точкой". Кроме русских и белорусских студентов, в Лёвене тогда училось довольно много украинцев. Во второй половине 1950-х белорусских студентов в Лёвене стало значительно меньше, и их церковная община прекратила существование, а отец Евгений уже служил в "русском" храме.

Приходская жизнь в 1950-х

Отец Георгий (Тарасов) продолжал окормлять общину даже когда в 1953 г. стал епископом. Он очень много сделал для приходской жизни. В частности, начал использовать в богослужении нидерландский язык, читая на нём некоторые евхаристические молитвы.

В 1960 г. он был избран архиепископом, переехал в Париж и отошёл от дел прихода. Но и после этого регулярно, примерно раз в два месяца, приезжал вместе с диаконом (Петром Черкасовым или Борисом Пузановым) в дорогую его сердцу общину и совершал архиерейские богослужения. Сперва шёл на лёвенское кладбище, обходил могилки духовных детей. Потом навещал знакомых, дарил детям сладости. Все его очень любили. Один из современников, **священник Иаков Дойль**, с особой теплотой вспоминает совместные с ним богослужения: *"Он был святым человеком. Когда я совершал Литургию вместе с ним, то чувствовал особое присутствие Бога"*. Он также вспоминает, что, когда два года жил в брюссельской квартире владыки, то по содержанию библиотеки увидел интерес её хозяина к аскетической литературе, особенно к сочинениям русских подвижников.

Приписной статус лёвенского прихода сохранился и при новых настоятелях брюссельского Свято-Пантелеимоновского храма. Причиной была малочисленность прихода, неспособного содержать собственный причт. Ведь эмигрантов революционной поры в Лёвене и окрестностях осталось уже мало, а послевоенные студенты-беженцы в основном уже окончили университет и разъехались по Бельгии и миру.

Поэтому богослужения совершались 1-2 раза в месяц, а прихожан оставалось всего 20-25 человек, в основном выходцев из России, студентов, но было и несколько фламандцев. Один из них говорил по-русски, изучал православное церковное пение и стал одним из регентов приходского хора.

В 1956 г. храм на несколько лет переехал в зал на 2-м этаже AUCAM (Association Universitaire Catholique pour l'Aide aux Missions) на Naamsestraat 9. Это помещение было найдено с помощью о. Роберта ван Кауэларта. На приходе в основном служил упомянутый выше отец Евгений Сморгаль. Вначале прихожане относились к нему настороженно; в частности из-за того, что он брил бороду. Некоторые говорили: "Может быть, он и хороший батюшка, но очень уж на ксёндза похож". Но затем познакомились ближе и привыкли друг к другу.

Приход в 1960-х

С конца 1950-х и до 1962 г. общину окормлял игумен **Иоанн** (Харченко, 1901-63), помощник настоятеля Свято-Пантелеимоновской церкви в Брюсселе. Он был весёлым человеком, любил пошутить. Курил крепкие сигареты из мундштука, а затем полоскал рот одеколоном, чтобы владыка Георгий не заметил запаха табака. Несмотря на эту слабость, у престола он служил очень истово. Службы совершались обычно раз в месяц.

Примерно в это же время для церкви было найдено помещение на Justus Lipsiusstraat 48. Владыка Георгий выбрал его из-за близости к ж/д вокзалу. Приход занимал две комнаты слева на втором этаже. Храм был хорошо обустроен прихожанами-студентами. В нём владыка отпевал А.В. Коновалова (+1962), В.М. Остапенко (+1971) и других старых эмигрантов.

После отъезда в 1962 г. отца Иоанна богослужения снова совершал отец Евгений Сморгаль, с конца 1960-х и до начала 1970-х – регулярно. Вероятно, в этот период он числился настоятелем. При этом до конца жизни он оставался в юрисдикции Белорусской Православной Церкви и, поэтому, формально не мог бы быть настоятелем "евлогийанского" прихода. Впрочем, в церковной эмиграции бывали и более странные случаи.

Игумен Иоанн (Харченко).

О. Евгений Сморгэц с лёвенскими прихожанами у Дома Коноваловых на Peter Benoitaan 3, Kessel-Lo. 1967-68 гг.

В те годы после политических неурядиц в Греции середины 1960-х и вызванной ими эмиграцией в Лёвене учились несколько десятков греческих студентов и среди них будущий настоятель Иверского монастыря на Афоне **архимандрит Василий** (Гонтикакис) и **иеромонах Максимос** (Агиоргусис, род. 1935), в будущем митрополит Питтсбургский. Этот милейший батюшка, всегда готовый помочь прихожанам, был молод, энергичен, и его часто можно было видеть едущим по Лёвену на велосипеде "с ветерком".

Греки ходили в "русский" приход и одно время даже составляли большинство, так что пели попеременно по-гречески и по-славянски. Служили вместе отец Максимос и отец Евгений. Вечерние службы были редко, а литургии – одно время даже каждое воскресенье.

В 1968 г. был рукоположён в сан диакона **Сергий Коновалов** (1941-2003), уроженец Лёвена, с 1980 г. – священник, а позже – архиепископ и Экзарх Константинопольского Патриарха. В конце 1960-х он часто сослужил отцу Евгению в лёвенском храме, где ещё ребёнком прислуживал в алтаре. Старым прихожанам он запомнился как человек *"с подлинной скромностью и острым чувством долга"*; все вспоминают его с большой любовью и уважением, как и его супругу, **матушку Лидию**.

Упадок приходской жизни в 1970-х

По свидетельству протоиерея Иакова Дойля, учившегося в K.U.Leuven в 1971-75 гг. и служившего несколько раз в лёвенском приходе, в те годы он всё ещё был на Justus Lipsiusstraat 48. Община стала ещё меньше, сократившись до 12-13 прихожан. Диакон Сергей как мог поддерживал жизнь прихода, а его сестра Надежда была регентом маленького хора. Отец Евгений Сморщёк приезжал примерно раз в месяц.

Малочисленность общины и относительная (в сравнении с Брюсселем) редкость богослужений не позволили сохранить её стабильную жизнь. Многие прихожане перешли в приходы Брюсселя и Антверпена. А когда в начале 1970-х помещение было изъято городскими властями из-за плохого состояния здания и перестал приезжать отец Евгений, то жизнь прихода прервалась.

Новый этап истории общины был начат трудами **Павла Иванова**. В предыдущее десятилетие он активно участвовал в приходской жизни и, поэтому, не остался равнодушным к закрытию прихода. В 1976 г. он написал владыке Георгию (Тарасову) с просьбой помочь в возобновлении богослужений. Владыка дал на это благословение, распорядился о назначении священника, и к сентябрю того же года всё уже было готово.

Первые литургии в возрождённом приходе совершал **священник Гидо де Вильдер** (позже – архиепископ Гавриил Команский), учившийся тогда в K.U.Leuven, в сослужении **диакона Давида де Брёйна** (1939-2001), примерно раз в месяц.

Во второй половине 1970-х, после отца Гидо, несколько лет приход окормлял отец Давид де Брёйн (к тому времени рукоположённый во священники). Временами приезжали и другие священники из Брюсселя. Несколько раз приезжал из Брюсселя **архиепископ Павел (Голышев)**.

Богослужения проходили 1-2 раза в месяц в крипте Богословского института Св. Духа на Naamsestraat 40. Затем – каждые 2 недели в часовне Университетского прихода на Jan Stasstraat 2. Служил снова отец Гидо. В этот период он приезжал из Маастрихта, где у него был основной приход. Всю утварь приходилось после каждой службы отвозить домой к П.П.Иванову.

К концу 1970-х приход в основном состоял из двух семей: Михаила и Елизаветы Поповых и Сергия и Лидии Коноваловых, а также их детей. Приходили и несколько студентов-бельгийцев, изучавших русский язык у профессора Е.Поповой.

Богослужения тогда совершались раз в месяц и были двуязычным: священник вёл службу по-

нидерландски, а хор (которым руководила матушка Лидия) пел на церковно-славянском. Через некоторое время отец Гидо был вынужден покинуть общину из-за занятости в своём приходе в Маастрихте. В это же время в ней появились внутренние трения и она снова распалась. Храмовая утварь была отдана в Маастрихт, а чаша и потир до сих пор служат в приходе Девентера.

Диакон Давид де
Брёйен, нач. 1970-х.

Иером. Фома и иерод.
Иоанн в Лёвене, 1980 г.

Попытка возрождения в 1980-х

В 1982 г. была снова сделана попытка возродить лёвенский приход, теперь в юрисдикции Русской Православной Церкви. Павел Иванов написал письмо **архиепископу Василию** (Кривошеину, 1900-85), возглавлявшему Брюссельскую кафедру Московского патриархата. За этим последовала личная встреча, на которой владыка Василий одобрил эту инициативу, а 4 ноября 1982 г. послал письмо **кардиналу Годфриду Даниэльсу** с просьбой выделить для общины помещение. Уже 12 ноября кардинал ответил положительно и в результате была получена небольшая "часовня аббата" в монастыре Кейзерсберг на окраине Лёвена. Возрождённый приход был посвящён св. Серафиму Саровскому.

По назначению владыки Василия в 1982-83 гг. богослужения совершал **иеромонах Фома (Якобс)**, ныне архимандрит, настоятель монастыря в Первейзе. Временами служили и другие священники. Прихожан было уже совсем мало – около 10 человек, и богослужения снова совершались редко, примерно раз в месяц. Всё это опять не позволило наладить стабильную жизнь прихода, и после 1983 г. в ней наступил длительный перерыв. Впрочем, официально он не был закрыт, по крайней мере, до 1993 г.

Новый приход

В 1990-х в Бельгию, в том числе в Лёвен, начала прибывать новая волна эмигрантов из Вост. Европы. В K.U.Leuven тоже снова появились православные студенты. Это создало предпосылки для возрождения общины, хотя первые годы православные лёвенцы ездили на богослужения в Брюссель, а позже и в Антверпен.

Первая попытка была сделана **Ольгой Касьяненко** по совету **диакона Александра Куряткина**. С его помощью она написала прошение на имя **архиепископа Брюссельского и Бельгийского Симона (Ишунина)** с просьбой об открытии прихода и собрала подписи. Она же и подала владыке это прошение, датированное 7 декабря 2002 г., после богослужения в Антверпене.

Следующим летом, ещё не зная об инициативе первой группы, несколько других православных, в основном бельгийцев (**Виктор Юдин, Юдит Херманс, Майкл Ломакс, Берт Генбрюгге** и др.), тоже сделали попытку воссоздания общины. В начале октября 2003 г. В.Юдин и М.Ломакс пришли на приём к владыке Симону и попросили благословения на образование в Лёвене "молитвенной группы". Однако владыка, помня предыдущее прошение, благословил возродить

сразу полноценный приход. Обе группы объединились, что с самого начала придало приходу интернациональный характер.

Некоторое время диакон Александр Куряткин и Виктор Юдин потратили на поиск помещения. Первый из них обратился к католическому благочинному Лёвена, и тот предложил пользоваться по субботам храмом бывшего францисканского монастыря на Tiensestraat 78.

Впоследствии диакон Александр обучил чтецов, привлёк людей в хор и вообще много способствовал возрождению приходской жизни. Стоит отметить, что он был одним из немногих "старых" русских эмигрантов, связавших прошлое и настоящее лёвенской общины – ещё в детстве, в 1950-60-х, он вместе с родителями часто приходил в здешний православный храм.

Богослужения возобновились 29 ноября 2003 г. В присутствии около 130 мирян и более десяти священников, съехавшихся со всей страны, архиепископ Симон совершил Божественную литургию. В том, что в этот день (по старому стилю) Церковь праздновала память святого апостола и евангелиста Матфея, был усмотрен знак свыше, и он был избран небесным покровителем прихода. Есть в храме и частица его св. мощей – дар приходу архим. Фомы (Якобса).

Архиеп. Симон и диакон Александр Куряткин, 2004 г.

Павел Иванов и о. Александр Яворовский, 2007 г.

Вначале богослужения совершались самим владыкой Симоном по субботам 3-4 раза в месяц, обычно в сослужении диакона Александра Куряткина. Первый месяц приезжали певчие из антверпенского прихода, которые помогли создать хор. Его регентом стала Юдит Херманс.

30 мая 2004 г. настоятелем был назначен священник **Александр Яворовский**, служивший ранее в Антверпене. С августа приход обосновался в храме бывшей миссионерской семинарии (Латиноамериканского колледжа), Tervuursestraat 56. Он, к тому времени ставший собственностью университета, был найден стараниями диакона Александра. После встречи владыки Симона с заведующим университетскими зданиями, тот согласился подписать договор аренды.

20 ноября 2004 г. приход отпраздновал годовщину открытия. По окончании Божественной литургии владыка Симон поздравил прихожан с этой датой и наградил отца Александра камилавкой за усердное служение Церкви Божией. *"Я был поражён двумя вещами: как прекрасно устроен храм и как замечательно пел сегодня хор"*, – такими словами начал владыка свою проповедь.

Отмеченные им успехи хора вскоре позволили служить не только литургию, но и вечерню. Теперь богослужения совершаются регулярно по

субботам (вечерня) и воскресеньям (Божественная литургия), а также дважды в месяц по пятницам (акафист). Литургические языки прихода – церковно-славянский, нидерландский и английский. Некоторые песнопения исполняются на греческом, грузинском и румынском языках.

16 июля 2005 г. на заседании Священного Синода в Москве община была официально принята в состав Русской Православной Церкви. 5 февраля 2009 г., после долгой административной процедуры, она была признана правительством Фламандской общины Бельгии.

Богатым на радостные события стал 2010 г. В понедельник Светлой седмицы, 5 апреля, по окончании литургии в Свято-Никольском кафедральном храме Брюсселя, архиепископ Симон возвёл отца Александра в сан протоиерея.

13 ноября, на престольный праздник, владыка Симон совершил посвящение во чтеца одного из основателей прихода Виктора Юдина и рукоположение во диакона чтеца **Игоря Лучко**. В этот же день протоиерей Силуан Оссел преподнёс в дар приходу частицу мощей преподобного Силуана Афонского, память которого особо почитается православными европейцами.

Другим важным событием стало освящение новых икон для иконостаса, написанных монахинями из

монастыря Эссекс в Англии и установленных к престольному празднику.

Наконец 25 декабря, в день праздника Рождества Христова по новому стилю, архиепископ Симон совершил в лёвенском храме Божественную литургию, во время которой рукоположил Виктора Юдина в сан диакона.

Приход насчитывает около 50 человек постоянных прихожан. В основном это новые эмигранты из России и бывших союзных республик, а также коренные бельгийцы и люди самых разных национальностей, учащиеся и работающие в Лёвене и его окрестностях.

Духовенство храма и многие прихожане активно участвуют в проведении ежегодных православных летних лагерей для детей, а также в Православном молодёжном движении Бельгии (Orthodoxe Jeugd België). Дьякон Виктор Юдин преподаёт Закон Божий во фламандских школах. Его же стараниями почти каждый месяц устраиваются катехизические лекции для взрослых прихожан. Во всём этом видна духовная связь новой общины с той, которая возникла в Лёвене почти век тому назад в студенческой среде и была тесно связана с "приютским" храмом в Брюсселе.

Интерьер храма на Tervuursestraat 56
в 2004 г. (вверху) и 2011 г. (внизу).

Заключение

Каково будущее лёвенского прихода? О нём можно не беспокоиться, пока продолжается миграция из Вост. Европы, дающая основную часть прихожан. Но что будет через 10-20 лет? Ведь история показывает, что за периодами роста (1920-е, 50-е) следовала стагнация, когда прекращался приток новых сил, а новые поколения, родившиеся уже на Западе, в основном ассимилировались и отходили от церковной жизни, родного языка и культуры.

Внешние причины очередного спада пока точно не видны. Вряд ли опустится новый "железный занавес", но в случае улучшения жизни в России экономическая миграция потеряет смысл и православные общины "рассеяния" могут вступить в очередной период упадка.

Казалось бы, надежду даёт то, что в Лёвенском университете учится и работает много выходцев из православных стран. Из-за мобильности студентов и научных кадров, ставшей нормой в академической жизни, так будет и в будущем. Но реальность такова, что сейчас из них в храм приходят всего 5-10 человек, тогда как только русских в K.U.Leuven работает не меньше сотни.

Что же делать? Очевидный ответ – в перспективе рассчитывать скорее на православных бельгийцев,

чем на эмигрантов. Только это даст общине уверенность в будущем. Основа для этого есть – нидерландский язык уже используется в богослужении также широко, как и русский. Около десяти постоянных прихожан – фламандцы; это хотя и меньшая, но активная часть общины.

Но и тут возникают проблемы. Их корни – в трепетном отношении мигрантов из России к национальным церковным традициям. Даже частичное богослужebное использование нидерландского языка вызывает у некоторых неприятие. С одной стороны, это понятно: в атмосфере психологически нелёгкой эмигрантской жизни люди стремятся "законсервировать" в приходе кусочек покинутого отечества, родной культуры. С другой стороны, из опыта прошлого очевидна и тупиковость такого пути: это поколение уйдёт в мир иной, почти все их дети ассимилируются, и приход умрёт или будет влачить жалкое существование с десятком прихожан и редкими богослужениями.

Непросто найти "золотую середину", меру жертвования привычками и традицией ради будущего. А пока лёвенская община иногда переживает конфликтные ситуации, происходящие из-за такого непонимания людей русской и западной культур.

Приложение 1: Хронология духовенства

- протоиерей Пётр Извольский, 1924-28 гг.
- священник Владимир Фёдоров, периодически в 1926-29 гг.
- священник Георгий Цебриков, 1929-30 гг.
Первый настоятель. В 1925-29 гг.
периодически служил как диакон.
- архиепископ Александр (Немоловский),
периодически в 1929-40 гг.
- священник Георгий Тарасов, 1930-59 гг.,
настоятель с 6.02.1935. С 7.04.1933 –
иеромонах, с 31.01.1944 – игумен, с 7.01.1948
– архимандрит, с 4.10.1953 – епископ, с
12.10.1960 – архиепископ.
- иеромонах Павел (Голышев), возможно в
1938-40 гг.
- периодически диакон Пётр Черкасов, конец
1940-х – начало 1950-х.
- иеромонах Иоанн (Харченко, с 1958 г. –
игумен), конец 1950-х – 1962 г.
- периодически диакон Борис Пузанов, конец
1950-х – начало 1960-х.
- священник Евгений Сморгун, периодически в
середине 1950-х, затем регулярно с 1962 г. до
начала 1970-х.

- иеромонах Максимос Агиоргусис (Maximos Aghiorgoussis), конец 1950-х – середина 1960-х.
- диакон Сергей Коновалов, 1968-80 гг.
- священник Гидо де Вильдер (Guido de Vylder), периодически в 1976-80 гг.
- диакон, затем священник Давид де Брёйен (David De Bruyn), приблизительно 1976-78 гг.
- иеромонах Фома (Якобс), 1982-83 гг.
- архиепископ Симон (Ишунин), 2003-04 гг.
- диакон Александр Куряткин, 2003-08 гг. и изредка позднее.
- священник Александр Яворовский, с августа 2004 г. по настоящее время.
- священник Стефан Барбу (Stefan Barbu), 2007 г. (румынский священник, который учился в К.У.Leuven и по благословению владыки Симона сослужил о. Александру).
- диакон Игорь Лучко, с 13.11.2010 (дата рукоположения) до 26.01.2012.
- диакон Виктор Юдин, с 25.12.2010 (дата рукоположения) по настоящее время.

Приложение 2: Легенды "русского Лёвена"

В истории иногда бывает трудно отличить правду от вымысла или неточностей, вкравшихся при пересказах из поколения в поколение. Несколько таких легенд было и среди "русских лёвенцев".

***

Первая из них гласит, что русские студенты K.U.Leuven не только молились, занимались спортом, политикой и немного учились, но и были просто молодыми людьми, со свойственными их возрасту особенностями. По рассказам, дело доходило до ночных дуэлей на шпагах, на чердаке "русского" общежития, причём противники сражались чуть ли не в одном нижнем белье.

Точно известно о случае, когда осенью 1924 г. руководству фонда Мерсье было доложено о студенте Тарновском, что *"он прогуливался пьяным по улице и пел "Интернационал"*. Впрочем, на допросе он все отрицал...

***

Героем другой легенды стал архиепископ Александр (Немоловский). По рассказам, чтобы навестить свою паству в Лёвене, где дважды в месяц служилась литургия, владыка иногда, когда не было транспорта, ходил туда пешком около 30

км (а ему уже было за 50 лет!). Он выходил из Брюсселя с вечера, ночевал в Лёвене, служил литургию и затем шёл обратно.

Ныне покойный князь Алексей Оболенский, ехав как-то от Брюсселя к Лёвену, рассказывал: *"Вот по этому пути наш владыка и ходил. Потом, когда он был старенький и мне пришлось здесь его везти зимой в рождественские дни, он, глядя в окно, вспоминал: "Я старался от Лёвена дойти засветло, но если оставался покушать у студентов, то проходил эти места уже в темноте. На Рождество во всех окнах огоньки были, но только не красные, как сейчас, а белые". Бедный владыка, – заканчивал Оболенский, – он по старости сослепу не видел, что это не рождественские огоньки, а красные фонари "жриц любви", которые в 1960-е годы и позже облюбовали всё протяжении старой дороги от Брюсселя до Лёвена..."*

Однако, подобные истории приходилось слышать и о владыке Павле (Голышеве), и об отце Георгии (Тарасове). Были ли эти похожие случаи с каждым из них? Или лишь с одним, а затем стали чем-то вроде "мигрирующего сюжета" древних житий? – Наверяд ли это когда-нибудь выяснится. Наиболее вероятно, что основа этой легенды относится к отцу Георгию. Во время войны ему действительно

несколько раз пришлось добираться до Лёвена пешком или на велосипеде, поскольку железнодорожное и трамвайное сообщение с Брюсселем часто прерывалось из-за бомбардировок союзной авиацией.

***

Наиболее необычна и таинственна третья легенда. По ней, русскому эмигранту **генерал-майору Гавриилу Кошелеву**, жившему в Лёвене, *"человеку благочестивому и набожному"*, однажды явился в видении Сам Христос! *"Сижу я тут в кресле, – рассказывал он, – и вижу перед собой Спасителя..."*

Генерал, неплохо рисовавший, запечатлел это видение на картине. Как говорит лёвенский старожил **Александр Коновалов**, картина эта, изображающая Спасителя по пояс, окутанного облаком, на фоне залитого солнцем городского пейзажа, с колокольной аббатства св. Гертруды на заднем плане, в послевоенные годы висела на стене православного храма на Vital Decosterstraat. Затем она куда-то исчезла...

Приложение 3: Лёвенское кладбище

Большинство наших соотечественников и их родные не располагали средствами для оплаты вечного упокоения и, поэтому, через 20 лет их захоронения ликвидировались или переносились. Так, прах Наталии Стефановны Карцевой (1908–92) был перенесён на кладбище коммуны Иксель. Тем не менее, некоторые захоронения сохранились (см. схему ниже):

1. графиня Елена Де Борхт, урожд. графиня Келлер (Смоленск 25.7.1865–2.6.1929 Лёвен)
2. советские воины, умершие 25.09.1944 и похороненные 28.09.1944: Александр Хоменко (род. в Херсоне), Иван Ходыков (Ходяков?, 1899 г.р., Ярославль), Габия Шаркамулин, Михаил (Терентьевич?) Барашов (1912 г.р., Семипалатинская обл.?) и Дмитрий Сивиев.
3. генерал-майор Гавриил П. Кошелев (Полтава 26.3.1874–20.3.1946 Лёвен) с супругой Екатериной М. Собкевич (Киев 24.11.1879–18.3.1945 Лёвен).
4. Микола Равенский, белорусский композитор (Засулье 5.12.1886–9.3.1953 Лёвен).
5. Алексей Васильевич Коновалов (С.-Петербург 14.01.1908–20.3.1962 Лёвен) с супругой Каролиной (Марией "Яковлевной") ван

Ставерен (нидерландский Heenvliet 12.09.1917–6.04.2005 Лёвен) и её бабушкой и дедушкой. Владимир Михайлович Остапенко (+1971, Wezembeek-Oppeem) с супругой Евлалией Богарт (тётя К. ван Ставерен).

6. украинские эмигранты Володимир Гапыжин (1921–1970) и Марианна (Мелания?) Кудрюк (14.01.1921–22.01.1977, возм. 1997).
7. Пётр Афанасьевич Вальтер (Олонец 29.12.1903–14.04.1990) с супругой Розой "Николаевной" Шар (Rose Chardt, 1902-99).
8. Мария Сократовна Косович (13.10.1892–7.9.1967) и её сын Анатолий Георгис (чешский Příbram 26.12.1923–7.5.1994 Лёвен)
9. Надежда Алексеевна Коновалова (Лёвен 29.10.1945–1.05.2011 Лёвен)

Кроме того, тут были похоронены Виктор Рогов (Херсон 18.01.1910) и каноник Шарль Ноблесс. На других кладбищах (список далеко не полный): в Херенте покоится матушка Лидия Коновалова (10.11.1936–7.08.1984), в Вилселе – Николай Александрович Куряткин (Або 11.07.1905–9.01.1965 Лёвен), в деревне Гевер, что между Лёвеном и Мехеленом, – отец Евгений Сморщёк (Зельва 25.9.1914–4.10.1984 Гевер) и матушка Зоя (д. Староельня Гродненской губ. 15.12.1922–03.04.2010 Антверпен), на Брюссельском

кладбище – Ольга Валентиновна Киприянович, в монастыре в Первейзе – Светлана Тесленко (1952–1.11.2005 Лёвен), в Сент-Женевьев-де-Буа – Михаил Викторович Попов (09.11.1930–05.05.2007), на кладбище Мехелена – Вера Большакова (01.04.1960–14.12.2008), на кладбище в Аарсхоте – Екатерина Воронкина (23.05.1937–9.12.2009 Лёвен).

Схема лёвенского кладбища (Hoofdbegraafplaats) с расположением захоронений.

Рекомендуемая литература

- Leon van der Essen. Le Cardinal Mercier et les Russes. L'Aide Belge aux Russes. Ceuterinck-Louvain, 1924.
- Барыс Рагуля. Беларускае студэнцтва на чужыне. Лёндан (Канада) - Нью-Ёрк, 1996.
- Янка Запруднік. Дванаццатка: дакументальная аповесць пра дванаццацёх беларускіх хлопцаў у Нямецчыне, Вялікабрытаніі й Бэльгіі (1946-54). Беларускі Інстытут Навукі й Мастацтва, 2002.
- Coudenys Wim. Leven voor de Tsaar. Russische ballingen, samenzweerders en collaborateurs in België. Leuven, Davidsfonds, 2004.
- Архиепископ Иоанн (Шаховской). Биография юности: Установление единства. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006.
- Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006.
- Н.С.Белявский. Кардинал Мерсье и русская эмиграция в Бельгии. Журнал "Берега", №9, стр.51-59 (2008).
- В.К.Ронин. Русское Конго, 1870-1970. М.: Русский путь, 2009.
- Священник Алексей Стричек. Автобиография рядового иезуита отца Алексея Стричека. Новосибирск: Римско-Католическая Преображенская епархия, 2009.
- Русское Православие в Бельгии. Москва-Брюссель, изд-во Екатерининского монастыря, 2013.